

Гибель „Просвіт“.

Въ такъ - называемое доконституціонное время совершенно невозможна была на Украинѣ не только планомѣрно организованная, но и вообще какая бы то ни было просвѣтительная дѣятельность среди народа въ національной формѣ. Украинскихъ просвѣтительныхъ обществъ, конечно, не было; не было и прессы. Культурное воздѣйствіе на украинскія народныя массы путемъ книгъ на родномъ языкѣ затруднялось спеціальными цензурными стѣсненіями: къ печатанію разрѣшалась только беллетристика, да и то съ большимъ выборомъ и съ исключеніемъ дѣтской литературы; популярно-научная брошюра могла проскочить лишь случайно, по снисходительной прихоти какого-нибудь благодушнаго цензора, но непременно подъ беллетристическимъ соусомъ. Можно представить, сколько требовалось ухищреній, чтобы смастерить—въ беллетристической формѣ—популярную брошюру по астрономіи, медицинѣ, природовѣдѣнію, географіи, исторіи. Все это кажется просто курьезымъ анекдотомъ изъ давно минувшаго прошлаго; но—увы!—все это такъ еще близко, такъ свѣжо.

Послѣ этого легко представить, какъ воспрянули духомъ народолюбивые элементы на Украинѣ, когда въ концѣ 1905 г. спали, наконецъ, путы, сковывавшія украинское слово, и послѣднее уравниено было въ правахъ съ русскимъ словомъ, — правда, также многострадальнымъ, но свободнымъ отъ самага унижительнаго оскорбленія, какое только можно придумать,—преслѣдованія за самую форму человѣческой рѣчи... Въ области просвѣщенія народа, и при новыхъ условіяхъ лишеннаго національной школы, украинское общество обратило свою энергію главнымъ образомъ на внѣшкольное образованіе народа. Въ самое короткое время Украина покрывается сѣтью просвѣтитель-

ныхъ обществъ—„Просвітъ“—не только въ крупныхъ центрахъ края—Кіевѣ, Одессѣ, Черниговѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринославѣ, Екатеринодарѣ, Новочеркасскѣ, Житомирѣ, Николаевѣ,—но и въ небольшихъ городахъ—Нѣжинѣ, Могилевѣ-на-Днѣпрѣ, Козельцѣ, Мелитополѣ—и даже въ селахъ (Мануйловка, Амурь, Запорожье-Каменское и др.). Украинская интеллигенція горячо откликнулась на просвѣтительныя нужды народа и пошла имъ навстрѣчу тотчасъ же, какъ только представилась къ тому возможность. Многія изъ указанныхъ „Просвітъ“ были первыми обществами, какія зарегистрированы мѣстными городскими объ обществахъ присутствіями на основаніи закона 4-го марта 1906 г. Подъ флагомъ народнаго просвѣщенія объединились всѣ демократическіе элементы украинскаго общества безъ различія партій и направленій. Такъ „Просвіты“ заняли въ украинской жизни особое положеніе, обусловленное самою цѣлью ихъ,—широкою культурною работой среди народныхъ массъ. Онѣ явились весьма цѣннымъ, въ общественномъ и государственномъ смыслѣ, факторомъ народнаго просвѣщенія. Здѣсь инициативою и силами самого общества совершалась та сложная и трудная работа, на которую затрачивается громадныя средства и силы государство, самымъ жизненнымъ образомъ заинтересованное въ томъ, чтобы населеніе не оставалось невѣжественнымъ и при помощи просвѣщенія развивало свои духовныя и матеріальныя силы, возможно большій ростъ которыхъ столь необходимъ при современныхъ повышенныхъ условіяхъ международнаго соревнованія.

Съ этой точки зрѣнія, казалось бы, всякое государство въ непосредственныхъ жизненныхъ своихъ интересахъ должно содѣйствовать всѣмъ частнымъ начинаніямъ, сопутствующимъ собственной его дѣятельности къ поднятію умственнаго уровня народныхъ массъ. Въ особенности приложимо это къ Россіи, съ ея необъятными потребностями въ культурномъ отношеніи, тѣми потребностями, о которыхъ столько говорилось и говорится теперь въ законодательныхъ палатахъ и удовлетворить которыя, не только въ полной, но хотя бы въ сколько-нибудь достаточной мѣрѣ, государство, какъ оказывается, не можетъ своими средствами.

Но вѣдь у насъ въ области высокой политики возможны самыя странныя неожиданности. Такая неожиданность по-

стигла и „Просвіты“, вовлеченныя въ сферу дѣйствія современной націоналистической политики.

Бодро выступившія на борьбу съ народнымъ невѣжествомъ просвѣтительныя общества на Украинѣ съ первыхъ же шаговъ встрѣтили разнаго рода внѣшнія препоны и утѣсненія, отклонявшія значительную часть производительныхъ силъ отъ ихъ непосредственной цѣли, а то и совершенно поглотившія и эти силы, и самый ихъ источникъ. Исторія весьма непродолжительной, 3—4—5-лѣтней, дѣятельности „Просвѣтъ“—это исторія поистинѣ тернистаго пути ихъ, обычно завершавшагося или атрофированіемъ ихъ дѣятельности, или безвременною насильственной ихъ смертью. При всемъ однообразіи такой общей судьбы различныхъ „Просвѣтъ“, отдѣльныя перипетіи ихъ вынужденнаго угасанія рисуютъ такую разнообразную и своеобразную бытовую обстановку дѣятельности просвѣтительныхъ силъ, не укладывающихся къ тому же въ общее русло націоналистическихъ вѣяній, что, думаемъ, не безынтересно будетъ привести здѣсь нѣкоторые конкретные факты изъ этой области.

Изъ всѣхъ „Просвѣтъ“ наиболѣе крупною—по интенсивности и результатамъ дѣятельности—была кievская „Просвѣта“. Основанная въ самомъ началѣ 1906 г. по инициативѣ нынѣ покойнаго писателя и общественнаго дѣятеля Б. Д. Гринченка, она сразу же начинаетъ испытывать всякія внѣшнія непріятности и прежде всего стѣсненія въ осуществленіи своего только-что разрѣшеннаго устава. По уставу, цѣль „Просвѣтъ“—содѣйствовать развитію украинской культуры и главнымъ образомъ просвѣщенію украинскаго народа на его родномъ языкѣ путемъ организациі библиотекъ, читалень, книготорговлей, лекцій, чтеній, курсовъ, спектаклей, а также путемъ открытія школъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій въ районѣ Кievской губерніи; между тѣмъ обществу не разрѣшалось основывать за предѣлами города Кіева филии и библиотеки-читальни; въ самомъ Кіевѣ не разрѣшено „Просвѣтъ“ завести свой книжный магазинъ и открыть для общаго пользованія свою обширную библиотеку, въ которую за короткое время, главнымъ образомъ путемъ пожертвованій, поступило свыше 3,000 томовъ; не удалось открыть ни одной школы; устройству лекцій, литературныхъ вечеровъ и концертовъ чинились всякія препятствія. Несмотря на такія неблагопріятныя

условія, молодое общество развивало въ высшей степени интенсивную дѣятельность. Издательская комиссія за неполныхъ четыре года существованія „Просвіты“ разсмотрѣла сотни рукописей и успѣла издать 36 книжекъ. Школьно-лекціонная комиссія устроила 81 научно-популярную лекцію, 20 чтеній беллетристическаго характера и 10 чтеній для дѣтей; будучи лишена возможности открыть хотя бы одну школу, школьная комиссія занялась составленіемъ учебниковъ и научной терминологіи. Подкомиссія дѣтскаго чтенія и школьно-воспитательная разсмотрѣли и сферирировали дѣтскую литературу и выработали программы нѣкоторыхъ предметовъ для первоначальнаго обученія. Артистическая комиссія устроила 25 литературно-музыкальныхъ вечеровъ и концертовъ, бібліотечная собрала и систематизировала довольно обширную бібліотеку.

Не слѣдуетъ забывать, что первые годы существованія каждаго общества—это годы его организаціи, годы подготовки къ дальнѣйшей, болѣе широкой и плодотворной работѣ. Можно было поэтому ожидать, что общество, даже въ періодъ своей организаціи достигшее указанныхъ результатовъ, дастъ въ будущемъ очень много. Но тучи надъ головой его сгущались все болѣе и болѣе. Придирки стали курьезно-мелочны. Лекціи не разрѣшаются. Не допускаются даже чтенія для дѣтей. Украинскій текстъ на бланкахъ украинскаго общества является *casus belli* для мѣстной администраціи, усмотрѣвшей въ одномъ такомъ бланкѣ, при официальной перепискѣ съ „Просвітою“, чуть ли не государственную опасность. Видно было, что дни кievской „Просвіты“ сочтены. Дѣйствительно, 8-го апрѣля 1910 г., „усматривая какъ въ задачахъ, поставленныхъ для общества „Просвіта“ ея уставомъ, такъ и въ издательской дѣятельности общества на протяженіи четырехъ лѣтъ его существованія угрозу общественному спокойствію и безопасности“, кievское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе закрыло „Просвіту“.

Мотивировка закрытія болѣе чѣмъ странная. Общество закрыто за свой уставъ, утвержденный тѣмъ же административнымъ органомъ, который четыре года спустя находитъ его угрожающимъ общественному спокойствію и даже безопасности. Въ такой же степени основательна ссылка и на издательскую дѣятельность „Просвіты“, которая, выпустивъ въ теченіе четырехъ лѣтъ 36 книгъ, ни разу не была привлечена къ судебной отвѣтственности за свои изданія.

Дѣло, очевидно, не въ уставѣ и не въ самой дѣятельности общества, а въ различныхъ политическихъ вѣяніяхъ, подъ угломъ зрѣнія которыхъ одно и то же явленіе получаетъ различную окраску и въ угоду которымъ однимъ росчеркомъ пера разрушается полезное общественное дѣло, потребовавшее для своего созданія большого напряженія общественныхъ силъ.

А вотъ не менѣе тернистый путь „Просвіты“ одесской. Особенность горькой доли этой послѣдней, сравнительно съ долей кievской „Просвіты“, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что если глаза кievской администраціи на угрожающій безопасности характеръ „Просвіты“ окончательно раскрылись въ моментъ наивысшаго расцвѣта меньшевистскаго націонализма, то генераль Толмачевъ, въ са-трапіи котораго пребывала одесская „Просвіта“, дальновидно преслѣдовалъ всякія проявленія общественной самодѣятельности гораздо ранѣе, чѣмъ подъ эти преслѣдованія можно было подвести какія-либо идеологическія основанія. Если однако одесская „Просвіта“ обнаружила нѣкоторую дѣятельность и подъ недреманнымъ окомъ одесскаго градоначальника, то это слѣдуетъ поставить отнюдь не въ укоръ этому послѣднему, а скорѣе нужно отнести къ энергіи членовъ мѣстной „Просвіты“. Послѣдняя устроила нѣсколько сотъ лекцій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, болѣе сотни спектаклей и литературно-музыкальныхъ вечеровъ, открыла библіотеку, читальню, книжный складъ, кіоскъ, организовала бюро юридической помощи бѣднѣйшему населенію Одессы. Но бюро медицинской помощи „Просвітѣ“ не разрѣшено; не разрѣшено предоставить свою библіотеку для общаго пользованія, открыть школу, учредить хотя бы одну филію или даже читальню за предѣлами Одессы. Книжный складъ вскорѣ закрывается, якобы потому, что совѣтъ старшинъ не извѣстилъ градоначальство о томъ, кто является отвѣтственнымъ за складъ; между тѣмъ въ уставѣ содержится прямое указаніе, что отвѣтственными за книжный складъ являются предсѣдатель и его замѣститель, объ избраніи же того и другого градоначальство своевременно было извѣщено. Попытка организовать издательскую дѣятельность пресѣчена была въ корнѣ: вторая изданная „Просвітой“ брошюра (о Гарибальди) конфискована. Усилились придирки по отношенію къ устройству лекцій и вечеровъ; требовались не только программы, но и текстъ

лекцій и даже имена, фамиліи и званіе будущихъ оппонентовъ на лекціяхъ. Можно себѣ представить, какія затрудненія создавала эта широко примѣнявшаяся предварительная цензура при устройствѣ лекцій и вечеровъ три раза въ недѣлю! На каждой лекціи и на вечерѣ, хотя тѣ и другіе устраивались для членовъ общества, присутствовали чиновникъ градоначальства, входившій въ постоянныя препирательства съ лекторами и декламаторами, причемъ скромныя попытки сократить активныя выступленія полицейскаго чиновника сурово карались Толмачевымъ: „за пререканія съ разумными требованіями должностныхъ лицъ“ предсѣдатель „Просвіты“ былъ оштрафованъ на 100 рублей. О референтѣ, который „непочтительно отзывался о высокопоставленныхъ особахъ“—Пихно и Флоринскомъ (референтъ излагалъ полемику покойнаго проф. Антоновича съ указанными „высокопоставленными“ лицами), сообщено по мѣсту его службы, а „Просвітѣ“ поставлено это на видѣ. Вскорѣ послѣ того послѣдней было объявлено, что „такъ какъ, кромѣ чиновника Банчука, нѣтъ другого лица, знающаго малорусское нарѣчіе, а съ чиновникомъ Банчукомъ всегда бываютъ пререканія, то генераль-губернаторъ не находитъ возможнымъ разрѣшать впредь рефераты, чтеніе и пѣніе въ обществѣ „Просвіты“ на малорусскомъ нарѣчій“. Такимъ образомъ, употребленіе родного языка въ украинскомъ обществѣ, насчитывающемъ болѣе 600 членовъ, ставится въ зависимость отъ того, имѣется ли полицейскій чиновникъ, знающій данный языкъ, и если такого чиновника нѣтъ, то нельзя и говорить на этомъ языкѣ. Пришлось даже украинскія пѣсни, назначенныя къ исполненію, переводить на русскій языкъ, причемъ извѣстная пѣсня „Ой, не ходи, Грицю, на вечерниці“ переведена была слѣдующимъ образомъ:

Ай, не ходи, Гришка,
Ай, да на журфиксъ,
Ай, тамъ злыя дѣвки
Сдѣлають тѣ книксъ.

Трудно опредѣлить, гдѣ здѣсь кончается простое самодурство и начинается самое возмутительное издѣвательство надъ національнымъ и просто человѣческимъ достоинствомъ.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на всю уступчивость и покладливость просвітянской администраціи, желавшей во

что бы то ни стало спасти „Просвіту“, послѣдняя все-же въ концѣ-концовъ была закрыта.

Еще менѣе церемонятся съ „Просвітами“ разные діі міногес въ менѣ крупныхъ центрахъ; здѣсь дѣло ведется проще, по-домашнему, безъ ненужнаго прикрытія какими-нибудь формальными мотивами. Черниговская администрація не разрѣшаетъ разрѣшенной ею „Просвітѣ“ созвать общее собраніе, не позволяетъ открыть книжный складъ, поставить спектакль, прочитатъ лекцію, устроить концертъ въ пользу „Просвіты“. Вслѣдъ за тѣмъ гнѣвъ мѣняется на милость, всѣ эти запрещенія и недопущенія снимаются, но лишь до извѣстнаго времени, когда они возобновляются, усиливаются, осложняются обысками, исключеніемъ неугодныхъ лицъ изъ состава „Просвіты“ (такъ, по требованію администраціи исключены изъ общества бывшій депутатъ первой Думы И. Л. Шрагъ, писатель М. М. Коцюбинскій съ супругой, г. Гладкій, г-жа Андреевская и др.), и дѣло все-же кончается закрытіемъ общества.

Открытая въ Каменецъ-Подольскѣ „Просвіта“ возбуждаетъ ходатайство объ учрежденіи библіотекъ-читаленъ въ 25 селахъ. Отвѣта нѣтъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; новыя ходатайства объ открытіи библіотекъ въ виду этого задерживаются. Но вотъ стали получаться отвѣты. Одному учителю не разрѣшается завѣдывать библіотекой въ виду его неблагонадежности (онъ однако же продолжаетъ занимать учительскую должность). Одному лицу, окончившему курсъ семинаріи и правоспособному къ занятію должности священника, отказано въ утвержденіи библіотекаремъ по маловозрастію. Крестьянамъ не разрѣшено завѣдывать библіотеками потому, что они малограмотны и не согласны быть библіотекарями; между тѣмъ эти крестьяне подали собственноручныя прошенія о разрѣшеніи открыть библіотеки-читальни.

По правиламъ хорошаго административнаго тона полагается и болѣе активное преслѣдованіе украинской „Просвіты“, и оно не заставляетъ себя ждать. Правленію „Просвіты“ посылается требованіе исключить изъ состава общества двухъ членовъ за принадлежность къ „недозволеннымъ правительственнымъ партіямъ“. И когда правленіе отвѣтило, что оно не можетъ входить въ оцѣнку убѣжденій своихъ членовъ, то слѣдовало ожидать всего худшаго. Правленіе вновь запрашивается, кому проданы изъ склада

„Просвіты“ нѣкоторыя книги, конфискованныя значительное время спустя послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, а до того свободно вездѣ продававшіяся, и были ли эти книги отъ покупателей затѣмъ отобраны. Такое требованіе оказалось, конечно, неисполнимымъ для „Просвіты“. Тогда чаша начальственнаго терпѣнія переполнилась, и „Просвіта“ была закрыта. Впослѣдствіи она опять открывается и, конечно, памятуя горькіе уроки прошлаго, должна сводить свою дѣятельность до самыхъ скромныхъ размѣровъ.

Кубанская „Просвіта“ (въ Екатеринодарѣ) основала въ селахъ и станицахъ 15 філій, проявившихъ въ большинствѣ оживленную дѣятельность. Здѣсь читались лекціи, рефераты, распространялись книги. „Просвіта“ уже вполне налаживала свою просвѣтительную работу: организовала лекціи, продажу книгъ, изданіе народной газеты, устраивала воскресную школу. Но вотъ въ четырехъ філіяхъ обнаружено „направленіе“; тогда закрываются не только всѣ філіи, но и самая „Просвіта“.

Какіе вообще странные, чтобы не сказать болѣе, мотивы примѣняются для закрытія „Просвітѣ“, показываетъ примѣръ козелецкой „Просвіты“, погибшей потому, что, какъ сказано въ официальномъ документѣ, „властями усмотрѣно отклоненіе товарищества „Просвіта“ отъ просвѣтительныхъ цѣлей“. Документъ не поясняетъ, въ чемъ собственно выразилось это отклоненіе, но въ скромной дѣятельности „Просвіты“ былъ только одинъ случай, когда она вошла въ конфликтъ съ мѣстной полиціей. Для увеличенія своихъ средствъ „Просвіта“ поставила одинъ невиннѣйшій и, конечно, разрѣшенный драматическою цензурой водевиль, въ которомъ по ходу игры дается взятка уряднику. Полиція усмотрѣла въ этомъ стремленіе „подорвать авторитетъ власти“; злосчастныхъ актеровъ посадили, а затѣмъ и выслали изъ Козельца, „Просвітѣ“ же, должно быть, это именно обстоятельство и поставлено въ вину въ квалификаціи „отклоненія отъ просвѣтительныхъ цѣлей“.

Этотъ мотивъ—,отклоненіе отъ просвѣтительныхъ цѣлей“—формально фигурируетъ, въ томъ или иномъ видѣ, почти во всѣхъ случаяхъ, когда „Просвіты“ терпѣли утѣсненія или подвергались закрытію. Получается съ виду такое впечатлѣніе, будто „Просвіты“ просто пожинали то, что заслужили своей крамольной дѣятельностью, отклонявшейся отъ устава. Но уже изъ предыдущаго отчасти

видно, что такая постановка дѣла устраивается лишь для ви́шняго приличія; на самомъ же дѣлѣ „Просвіты“ терпятъ всѣ бѣды именно за осуществленіе въ своей дѣятельности всего того, что составляетъ задачу названныхъ обществъ по ихъ уставу,—за открытіе школъ, за устройство филій, библіотекъ, читаленъ, книжныхъ складовъ, лекцій, концертовъ, спектаклей и т. д. Но этотъ фиговый листокъ административной стыдливости прикрывалъ наготу административныхъ репрессій сравнительно недолго. Въ 1910 году, когда націоналистическій курсъ окрѣпъ у насъ настолько, что уже не нужно было стѣсняться, издается извѣстный циркуляръ, причисляющій украинцевъ къ инородцамъ и съ этой точки зрѣнія признающій вреднымъ всякое развитіе украинской національной культуры. Если вѣрять посмертнымъ интервью съ покойнымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, то послѣдній самъ признавалъ, что совершилъ ошибку, объявивъ преслѣдованіе украинцевъ, какъ инородцевъ. Какъ бы то ни было, но уже въ началѣ слѣдующаго года въ своемъ рапортѣ сенату по поводу закрытія одного украинскаго общества онъ писалъ: „Три главныхъ отрасли восточнаго славянства,—Великая, Бѣлая и Малая Россія,—и по происхожденію, и по языку не могутъ не составлять одного цѣлага“. Тѣмъ не менѣе все-же оказывается,—будутъ ли украинцы инородцы или инородцы,—положеніе ихъ съ точки зрѣнія высшей политики текущаго момента не измѣняется нисколько. Министръ въ упомянутомъ своемъ рапортѣ соглашается, что закрытое общество, о которомъ идетъ рѣчь („Украинська Хата“ въ Москвѣ), имѣетъ совершенно культурныя задачи, просвѣтительную цѣль, но эта послѣдняя,—говоритъ онъ,—съ точки зрѣнія русской государственной власти представляется крайне нежелательной и противорѣчитъ всѣмъ начинаніямъ, которыя правительство проводитъ по отношенію къ „бывшей Украинѣ“. Съ самаго XVII в.,—объясняетъ министръ,—правительство постоянно боролось съ украинскимъ національнымъ движеніемъ, борется оно и съ тѣми обществами, которыя начали появляться послѣ 1905 г., потому что они „подъ видомъ культурно-просвѣтительныхъ цѣлей, можетъ быть, сами того не сознавая, содѣйствуютъ возрожденію украинскаго сепаратистическаго движенія“.

Все просто: дѣло не въ политикѣ, не въ противогосудар-

ственнымъ направленіи просвѣтительныхъ обществъ, а именно въ культурной ихъ дѣятельности, которая, какъ оказывается, опасна сама по себѣ; она-то и угрожала общественному спокойствію и безопасности и повлекла къ закрытію большинства „Просвѣтъ“, являясь *ultima ratio* для этого.

Хорошо, когда дѣло по крайней мѣрѣ стоитъ ясно и опредѣленно. Нужно поэтому отбросить старый, негодный арсеналъ жупеловъ противъ украинства, оставить лицемѣрныя заподозрѣванія его въ сепаратизмѣ и мазепинствѣ. Лучше искать собаку тамъ, гдѣ она зарыта. Настоящая причина преслѣдованій украинскихъ просвѣтительныхъ начинаній указана опредѣленно. Украинское общество теперь знаетъ, что оно преслѣдуется за то, что принадлежитъ къ извѣстной національности и не желаетъ отъ нея отказаться. Вопросъ, такъ сказать, перенесенъ на принципиальную, открытую для совершенно объективной, безпристрастной оцѣнки.

Съ этой объективной точки зрѣнія представляется совершенно яснымъ прежде всего то, что въ жертву измѣнчивымъ политическимъ настроеніямъ текущаго момента приносятся существенные, слишкомъ реальные интересы культурнаго подъема народныхъ массъ. Репрессіи по отношенію къ украинскимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ неизмѣнно должны сопровождаться пониженіемъ культурнаго уровня данной народности, такъ какъ культурный прогрессъ всякаго народа достижимъ въ наиболѣе полной мѣрѣ именно на національной основѣ, при посредствѣ родного языка, какъ могущественнѣйшаго орудія просвѣщенія.

Еще хуже, быть можетъ, то, что слѣдъ репрессій, столь оскорбительныхъ для всякаго здороваго національнаго чувства, останется тамъ, гдѣ этого совсѣмъ не ожидаютъ современные націоналистическіе политики, — въ психологіи украинскаго общества, — не только интеллигентныхъ верховъ его, но и тѣхъ народныхъ низовъ, которые такъ почитательно, но безнадежно охраняются при помощи внѣшнихъ стѣсненій отъ проникновенія въ ихъ среду и развитія здѣсь національнаго самосознанія. Получая только бичи и скорпіоны въ области примитивнѣйшаго человѣческаго права, — права просвѣщенія на родномъ, материнскомъ языкѣ, — будучи стѣснены въ удовлетвореніи самыхъ законныхъ

національних потребностей, украинцы не могут не чувствовать крайней горечи ничѣмъ не вызванной, совершенно не заслуженной обиды. Этимъ искусственно создается почва для тѣхъ недобрыхъ проявленій національнаго чувства, въ какихъ съ достойною лучшаго примѣненія настойчивостью обвиняется теперь украинское движеніе, но какихъ оно, къ счастью, лишено еще пока.

Что же въ концѣ-концовъ достигается за такую дорогую цѣну,—цѣну народнаго невѣжества и раздраженія національнаго чувства? Какими практическими результатами балансируется столь сомнительный активъ нынѣшней націоналистической политики?

Перефразируя слова министра внутреннихъ дѣлъ, можно сказать, что преслѣдованія украинства за его національныя стремленія начались не сегодня и не вчера,—и однако живучесть національной силы не сломлена. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ искорененія творческія силы украинской національной культуры все болѣе растутъ, развиваются и крѣпнутъ. Будемъ надѣяться, что такъ же пойдетъ дѣло и дальше, потому просто, что сложные вопросы національной жизни народовъ не разрѣшаются путемъ внѣшнихъ преслѣдованій или поощреній,—национальныя силы народа опредѣляются стимулами иного рода, регулируясь болѣе глубокими, внутренними законами.

О. Бѣлоусенко.
